

Весенний Дагестан – 2026

текст: И. Ардатов; фото: М. Иванова, И. Ардатов; верстка: П. Волкова

30 апреля

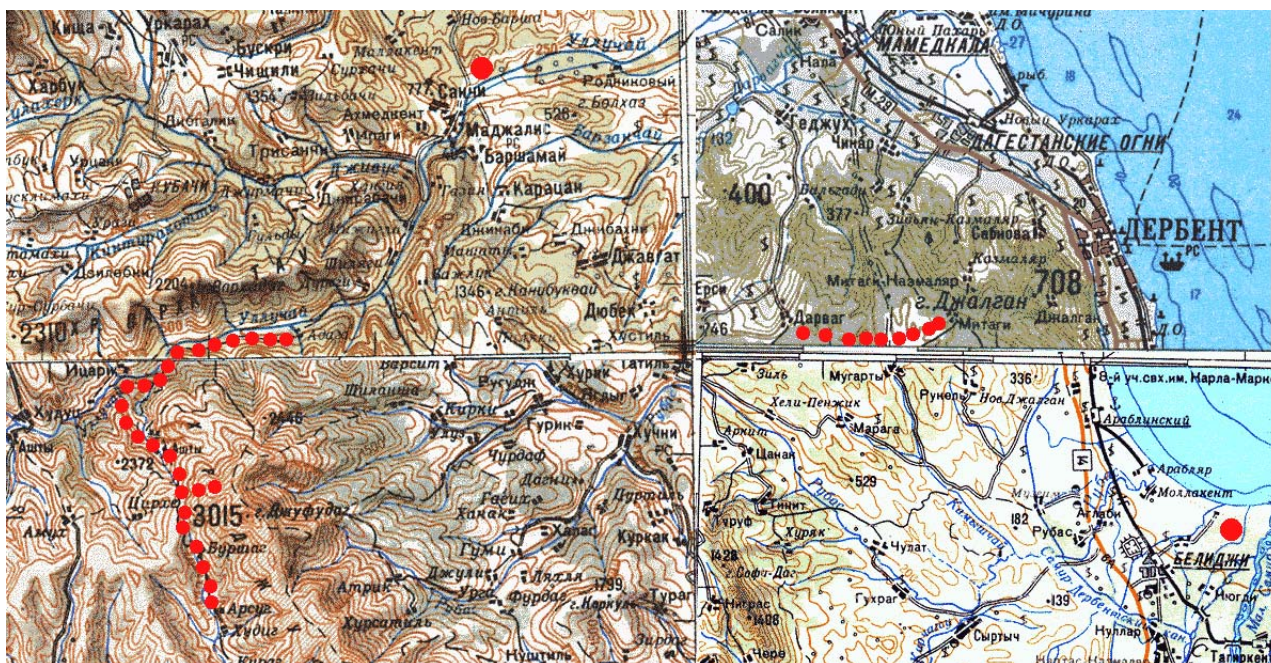
Весьма и весьма узнаваемый поезд: характерной наружности проводники и многие пассажиры, отовсюду слышатся южные акценты. В вагоне долго раскидывали по полкам объемный багаж. Ко мне, на верхнюю боковушку, подсел пьяноватый мужичок, отчего-то (отчего же?) чувствовавший предо мной вину и ежеминутно извиняющийся. К счастью, он скоро залез к себе наверх и заснул до утра. А за окном тем временем зашло солнце, вокруг все, наконец, немного успокоились и я, вроде бы, смог отдаться чтению, но, к несчастью, ненадолго – язвительные женщины из купе напротив "объяснили", что светить всю ночь фонариком не есть хорошо. Их упреки, правда, не возымели на меня должного действия и через 15 минут я продолжил чтение "до упора", пока глаза не начали слипаться. Поезд несется по сплошным открытым пространствам – приближаемся к Рязани.

1 мая

Ранним утром проехали Тамбов. Атмосфера вокруг несколько накаляется, но мне незачем обращать на это внимание – мы приближаемся к Саратову, пейзажи вокруг все интереснее и интереснее! На озерах между Инаковкой и Кирсановым – птичье царство: десятки серых цапель, большие белоголовые чайки, множество необычных уток, луни... В Инаковке кольчатая горлица, а в Ртищево прямо над станцией пролетела большая белая цапля. Чувствуется приближение степи: вот после Ртищево, на простом придорожном прудке лебедь-шипун, а после Саратова, после широченной глади Волги, над которой поезд как будто пролетел (ограждения в некоторых местах моста отсутствовали), после Саратова и вовсе началось раздолье – множество мелких соколов, пустельг и кобчиков сидели на деревьях и проводах прямо вдоль путей, шипуны встречаются уже парами. Но по-настоящему понять, что такое обилие кобчиков, помогли мне Волгоградская область и Казахстан. Там же началась настоящая, классическая степь – плоская поверхность, покрытая травами, и до горизонта ни одного дерева, а где есть лесополосы – огромные, сотенные грачиные колонии. Стали встречаться просянки, во множестве появились курганники и луни, были хищники и покрупнее – пару раз на деревьях определенно сидели настоящие орлы (*Aquila*). Вершиной всех сегодняшних наблюдений, их короной, если хотите, стали стрепеты: два в Западноказахстанской области и один в Волгоградской. На закате проезжали Эльтон – потрясающее зрелище!

2 мая

Калмыкия! Как много в этом слове! Проехали Белое Озеро, Артезиан, вокруг – степь с алыми вкраплениями маков. А сама степь песчано-желтая. Птицы также степные – летают огари. После московских интродуцентов их дикие сородичи кажутся более яркими, что ли. Один из них сидел на трубе придорожной хибары и окидывал поезд хозяйским взором. Пролетел удод, по-прежнему много пернатых хищников, начали появляться хохлатые жаворонки. Степь тем временем как будто высыхает, маки исчезают, но остаются потрясающе красивые розовые кусты тамариска, определенно тяготеющие к воде. На озерцах у путей типично степные птицы – пеганки, ходулочники. Въехали, собственно, в Дагестан. Вновь появились серые цапли и вяхири, начали встречаться большие бакланы, сизоворонки. В Махачкале прямо у поезда, на заборе, сидел покачивая хвостом чернолобый сорокопуд, где-то в стороне моря кружились многочисленные чайки, перелетали стайки куликов.

Общая схема нашего маршрута

А вот и Избербаш, ровно такой, каким я его запомнил в свой прошлый визит – толпа водителей предлагает свои услуги каждому, кто выходит из вокзала и выглядит не как местный, в привокзальных соснах все то же обилие птиц. Впервые в этом году слышал чечевицу. Сразу же выезжаем в предгорья – в село Санчи, где повсюду просянки и кружатся золотистые щурки. Но и его мы, однако, покидаем незамедлительно: добираемся до островка леса на берегу р. Уллучай, где и встаем лагерем. Лес для человека из Центральной России необычен и чужд: все в колючках, ни одного хвойного дерева.

До заката остается еще немного времени – мы предпринимаем небольшую экскурсию по ближайшим холмам. Первое, что бросается в глаза – необычайное разнообразие орхидей и заросли высоченного чертополоха, колючего и мокрого после дождя. Я, мой плащ, и мои болотники, несколько пострадавшие при первом знакомстве с Дагестаном, к этому были явно не готовы – в итоге я, разумеется, был

насквозь мокрый и, что вполне закономерно, в моей голове начал вызревать план по покупке плаща химзащиты.

По другим царствам живой природы предгорья в первый день дали немного – только из рожиц держи-дерева (интереснейшее растение, только если тебе не надо продирается через его заросли в и без того прохудившемся плаще) доносились рулады черного дрозда и южного соловья.

По возвращении в лес, к лагерю, обстановку несколько оживила вертишейка, орущая где-то в кронах деревьев, скачущие по колючим ветвям ополовники и все те же южные соловьи, устроившие здесь настоящий концерт. Уже ночью, в свете

налобного фонарика у самой моей палатки, стоящей на берегу Уллучай, пронесся, словно призрак, козодой.

3 мая

Туманным дождливым утром мы вновь отправились в маршрут по предгорьям. За день почти дошли до другой реки – Янгычай, петляя по хребтам и повстречав на пути только несколько коровьих стад. Коровы в предгорьях Дагестана вообще отдельная история: они там фактически повсюду и даже если не видишь стада – обязательно найдешь его следы в том или ином виде. Пару раз стадо буренок бежало на нас со всех ног явно не в дружеском порыве, так что приходилось отгонять их криками. Но, что ни говори, коровы, выплывающие из тумана, в обрамлении холмов и глубоких оврагов выглядят весьма и весьма интересно. В тот день я продолжал удивляться богатой флоре дагестанских предгорий, пусть даже и несколько деградировавшей от перевыпаса. Фауна на этот раз тоже порадовала: пели садовые овсянки, проснянки и обыкновенные сверчки, перелетали, переговариваясь, крупные полевые коньки, отовсюду доносились однообразные вокализации кукушек. У стад кружатся деревенские и городские ласточки, ловя насекомых, вспугнутых (или наоборот привлеченных) крупными животными. То и дело проносятся на север стайки черных стрижей. Пару раз вспугивали крупных хищников: черного грифа и могильника. А в низине у реки, на огороженных пастбищах одной из многочисленных ферм и на склонах – и вовсе раздолье хищникам, пусть и не таким крупным: всевозможные луни, степные и обыкновенные пустельги летают кругами или высматривают добычу с присады, вроде провода или ограды. А добыча есть – то тут, то там попадаются поселения мышевидных грызунов и кучки грунта, выброшенные, надо думать, слепышами. В одной лощинке, вместе со скоплением щурок, жмущихся друг к другу от холода, чернолобым сорокопутом и удадом попалась первая редкость – красноголовый сорокопут. На радостях от встречи с ним, я полчаса шагал в удвоенном темпе.

Дикие млекопитающие и рептилии тут тоже есть: попалась добротная нора и следы барсука – вероятно, хозяина норы и долгожданный желтопузик – странная безногая ящерица, которого я попытался поймать и потерпел при этом поражение.

Возвращались в лагерь мы дубовыми лесами, которые раньше, по словам П.А., покрывали все эти предгорья. На лужках между лесами обильно рос щавель, которым я с удовольствием подкреплял силы и чем вызвал новую порцию насмешек от П.А. и Чумички. По возвращении в лагерь, уже в темноте, мы были убавлены несколькими зловещими криками птенцов серой неясыти.

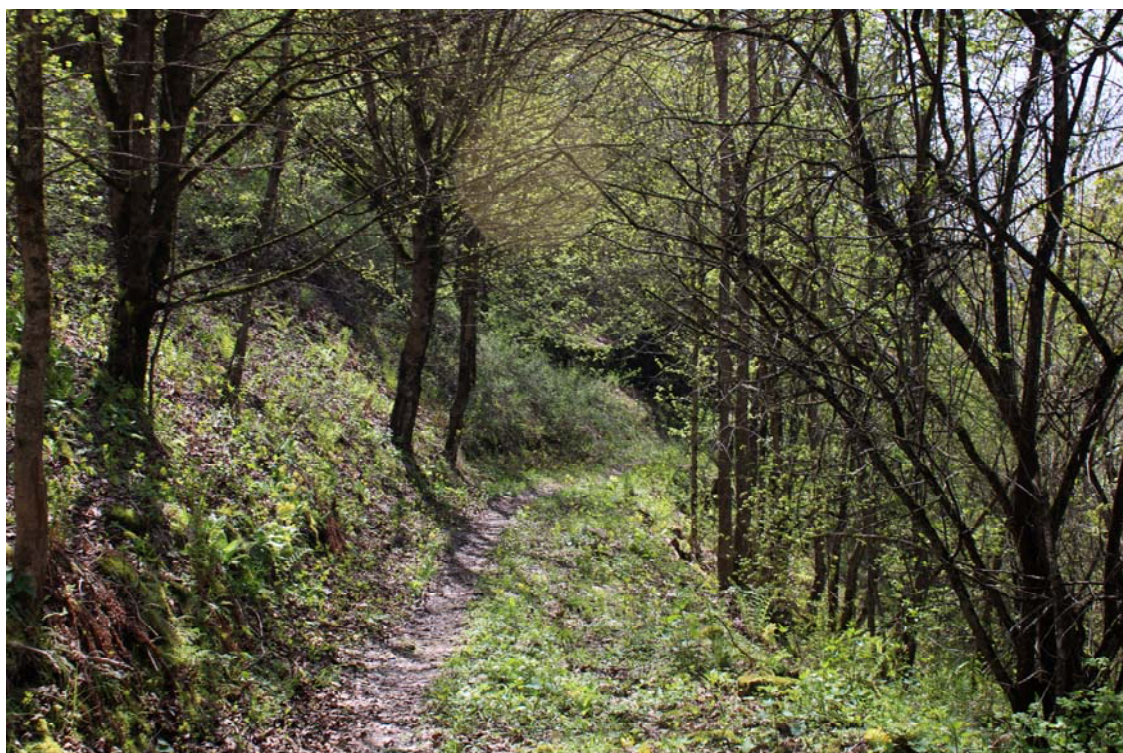
4 мая

С утра мы отправились в Маджалис, чтобы на машине доехать до следующего пункта маршрута, в общих чертах спланированного П.А. До отправления, в лесу у лагеря успел зафиксировать пение веснички.

В виноградниках по пути от лагеря к селу кипела жизнь – пели хохлатые жаворонки и проснянки, черноголовые чеканы, на деревьях неподалеку миловались канюки. Над горой, прямо в селе, кружилось в туманном воздухе множество хищных птиц, в том числе и светлой морфы орёл-карлик. По пути из Маджалиса в Адагу дорогу несколько раз перебежали звери: один раз ласка и один – некто, напоминающий зайца. И вот, наконец, Адага – село на тропе "Узоры времен", по которой мы будем идти как минимум сутки и на которую мы еще вернемся в самом конце путешествия. Тут тропа идёт по стенке живописного каньона все той же Уллучай. Что интересно, на тропе попался следок небольшого медведя – с самим зверем мы, к счастью, не повстречались. После более или менее открытых пространств предгорий радостно вновь идти по бескрайнему лесу, хоть и совсем не такому, как в Тверской или Московской области. И все же пернатое население тут куда привычнее – славки-черноголовки, зяблики, ополовники, гаички, москочки... Вот только оляпка, пролетевшая вдоль бурного потока при переправе через ручей-приток Уллучай нехарактерна для лесов средней полосы, поэтому память услужливо подбросила мне образы апрельских лесов под Кисловодском – и действительно, очень похожи эти два места и при этом заметно отличаются (взять хотя бы абсолютные высоты и

тот факт, что безлюдность этих мест не идет ни в какое сравнение с "раскрученным" Кисловодском).

Из нестандартной и интересной орнитофауны в этом месте могу отметить еще лишь обилие поющих желтобрюхих пеночек и горную трясогузку на развалинах села Чахри. Это красивое село и, что меня поразило, живое... Одна корова и один человек, который был крайне недоволен тем, что я ему не отвечал (а я, погруженный в свои мысли, его и не слышал).

Заброшенные поля на террасах перед селом Чахри

Тропа к селу Чахри проходит мимо живописных развалин села Санакари

На исходе дня мы перешли (или переползли, аки П.А.) реку в обратную сторону, по шаткому мосту у села Чахри, и устремились все по той же стенке каньона далее, в

сторону села Ицари. Обвал, случившийся, очевидно, не так давно, перерезал нашу дорогу, и мы на некоторое время превратились в скалолазов (или, скорее, в их жалкое подобие) и добрые полчаса штурмовали один из склонов, дабы иметь возможность пройти дальше (наверху была другая дорога). В конечном итоге, спустя некоторое количество подъемов и спусков (к счастью для меня, не таких масштабов, как первый) мы выбрались на берег ревущей и беснующейся Уллучай (весь день стояла отличная погода и снега повыше в горах, где-то на 3000 м, начали таять) и встали лагерем.

5 мая

За утро мы, наконец, дошли до Ицари. В каком-то роде, потому как село располагалось на другой стороне каньона и, как оказалось, заходить в него в планы П.А. не входило. Зато теперь предо мной раскинулся прекрасный вид на ущелье у Уллучай, село и сторожевую башню, несколько напоминающую летательный аппарат из одного советского фильма или средневековый донжон. Итак, мы пошли в противоположную от Ицари сторону – штурмовать перевал, который в конце концов должен вывести нас к селу Буршаг. С набором высоты начали появляться типичные альпийские виды, такие, как горные коньки. Встретилась пара деряб, перепелятник, даже тут пели кукушки. После преодоления перевала мы некоторое время спускались в долину некоего ручья, на берегу которого встали на обед. Тут, в туманной долине, неожиданной для меня стала встреча с парочками черноголовых чеканов и больших синиц и более ожидаемой – с очередной парой деряб и канюком, вылетевшими из тумана мне навстречу. После непродолжительного отдыха мы опять отправились вверх – все выше и выше, пока из птиц не остались одни горные коньки, и снега, появившегося примерно на 2500 м, не стало по колено. Мы вышли на заснеженную вершину, покрытую низкими рощицами из странных корявых березок и ущельями ручьев с талой водой. Встали лагерем на покатой вершине, покрытой сухой травой, неподалеку от березовой рощицы. Перед нами раскинулся

потрясающий вид: заснеженные горы-холмы, отдаваясь, росли, пока не становились чисто-белыми, с острыми пиками и скалистыми выступами внизу. Что и говорить – настоящие горы! До заката оставалось совсем немного, но я успел разглядеть на склоне противоположного холма две черные точки, которые, при рассмотрении с помощью длиннофокусного объектива оказались парой кавказских тетеревов, один из которых явственно токовал! На проводах вдоль дороги сидела пустельга – занесло же ее на такую высоту! Отовсюду доносились позывки горных коньков, да и сами птицы стайками и парами то и дело проносились мимо. В рощице в ближайшем ущелье пел деряба, а немного в стороне – белозобый дрозд. Закат в горах – зрелище потрясающее. После того, как солнце скрылось, на лагерь из низины выползло нечто, напоминающее одновременно и облако, и туман, мокрое и холодное. Все вокруг погрузилось во мглу.

6 мая

Прекрасным морозным и солнечным утром, Чумичка с П.А. отправились покорять какую-то вершину, а я предпочел получше изучить окрестности лагеря – и не зря.

На подступах к вершине горы Джуфудаг – рано утром наст держит отлично

В рощице при спуске к ближайшему ручью заливалась горная теньковка, величественным силуэтом проплыл над горами бородач, а где-то внизу, на одном из холмов, собрались зачем-то «канюкоиды» (*Buteo* sp.). Вокруг лагеря вовсю голосили горные коньки и белозобые дрозды. Тетерева, к сожалению, больше не показывались.

Продолжалась эта благодать, однако, недолго – опять из низины выползло мокрое облако, опять накрыло оно лагерь, заполнило собой все, что могло и скрыло от меня солнце. К возвращению «альпинистов» несколько раз начинал идти снег... Я попытался было разжечь костер, но, чтобы поддерживать его в пропитанном холодной влагой воздухе требовалось чересчур много топлива, так что я ограничился тем, что вскипятил себе воды. Пообедав, мы двинулись вниз. Началась метель – мокрый снег валил как будто отовсюду, ветер прошибал насквозь, температура падала. Но в данной ситуации был и неопровержимый плюс: птицы и звери со всех окрестностей концентрировались у дороги, по которой мы шли, ближе к населенным пунктам. Так, в Шари, нам встретились стайки рогатых жаворонков кавказского подвида – неожиданный и очень приятный трофей, пусть эти птицы и не так яркие, как те, которых можно встретить в Московской области на пролёте и зимовке.

В Шари транспорт до Буршага – относительно крупного села, откуда планировалось выехать к побережью, в Самурский лес, найти не удалось. Единственный вариант – ехать в открытом кузове грузовичка, перевозящего коровий навоз – нам с Чумичкой не понравился по нескольким вполне очевидным причинам и, хотя П.А. была свято убеждена, что это была бы чудесная поездка, мы пошли пешком.

Об этом я в последствии не пожалел: птицы продолжали жаться к дорогам: все те же горные коньки, но теперь в поистине «ударных» количествах, стайки горных чечёток и белозобые дрозды, стаи клушиц, пасущихся рядом с коровьими стадами, пение горихвосток-чернушек – прекрасно! А дорога между тем, шла серпантином по борту своеобразного каньона, стенки которого, по мере приближения к Буршагу, все больше сближались, и над открывающейся взору долиной, над скалами, образующими противоположный борт кружились огромные, величественные птицы – беркуты и орлы-могильники.

После Буршага последовала довольно утомительная череда переездов: сначала на «буханке» по узкому серпантину с далеко немолодым, но отчаянным местным жителем (позже П.А. и Чумичка в один голос уверяли, что это и был худший отрезок дороги, но я, мирно проспавший половину пути, не мог с ними согласиться, особенно на фоне второго участка), потом с куда более молодым и еще более отчаянным водителем по достаточно хорошей дороге, на которой он имел обыкновение беспричинно выезжать на встречу и, в конце концов – с не очень трезвого образа мыслей таксистом, не доверяющего своему навигатору и едущего при этом неправильно. К слову, эту особенность многих дагестанских таксистов я уже имел «счастье» наблюдать в свой прошлый визит в республику.

К закату мы были на опушке Самурского леса. Не могу подобрать слова для описания первого впечатления от этого места – настоящие джунгли, поющие, трещащие и воющие одновременно десятками самых разных голосов, самыми приятными из которых были песни южных соловьёв, звучащих в этом хаосе переплетения лиан, стволов, ветвей и колючек совершенно иначе, чем в предгорьях. Сходство с джунглями подчеркивали и ручьи с илистым дном, мутные и мелкие, очень похожие на те, что я видел в Таиланде. Да в общем-то все тут будило во мне давние и довольно смутные воспоминания о тех краях. С наступлением темноты

отовсюду вдруг заорали шакалы – я даже подпрыгнул на месте от неожиданности – так хорошо они синхронизировали начало своих воплей.

7 мая

Утром, после завтрака, Чумичка с П.А. отправились в небольшой поход по лесу, а я забрался в палатку и мирно проспал до полудня. После обеда мы отправились обратно в село Нюгди, то есть туда, куда нас довезли накануне. Из Нюгди мы доехали на такси до села Митаги в предгорьях – начала последнего отрезка нашего путешествия по Дагестану. Поев прямо на обочине, мы двинулись в путь.

Маршрут опять лежал по участку тропы «Узоры времен», участку под названием «Даг-Бары», проходящем через почти сплошные дубовые леса, которые тут

сохранились гораздо лучше, чем у Санчи и Маджалиса и ряд развалин древних фортов и крепостных стен, принадлежавших некогда Дербентскому оборонительному комплексу.

Над относительно открытыми верхушками холмов, над старым фортом, кружилось множество золотистых щурок и черных стрижей, в стае которых мне удалось заметить и их белобрюхого собрата. На уровне моих глаз, над долиной, открывающейся взору при взгляде с подножия форта и плавно сбегающей к морю, парили курганныки. Над головой несколько раз пролетали осоеды. На одной из остановок, сидя на земле и вглядываясь в кроны невысоких дубов, сбегаящих от моих ног вниз, я впервые услышал сплюшку. Под другую сторону этого холма или, если угодно, хребта также открывалась долинка – над ней парила парочка змееядов и степной орёл. Очень порадовала и долгожданная зелёная жаба – сидела в луже на тропе и «пела».

В этот день основную сложность для нас представлял поиск места для лагеря – нужно было место с наличием относительно чистой воды, подальше от пастбищ. Несколько раз встречали местных жителей: трёх богатырей с впечатляющими бородами (которые высоко оценила даже П.А.), катающихся по горам на самодельной таратайке и остановившихся перекусить щавелем, и несколько людей «попроще», на машинах, помогающих одному несчастному, чья «Гранта» намертво села в дорожную грязь, оторвав себе при этом бампер. Кульминацией стал момент, когда на нас, успевших повесить тент и начать раскладывать палатки, вышел шатающейся походкой один из помощничков, кажется, с топором в руке. К счастью, задерживаться он не стал, и мы смогли остаться на облюбованном месте у ручейка на дне долины.

8 мая

С утра продолжили идти по маршруту: перевалили через борт долины и вышли на сухой склон, покрытый разнотравьем и редкими деревьями, с несколькими небольшими водоемчиками, которые, как выразилась П.А. были напроць «закоровлены». До этого, еще в дубовом лесу, изредка перемежающемся

луговинами, я услышал незнакомое пение – то оказалась полуошейниковая мухоловка.

Итак, мы продолжали идти по склону, продвигаясь вдоль дороги и сильно вытянутого села Дарваг, расположившихся на дне очередной долинки (наш склон был ее бортом). Начали попадаться виды, характерные для этого биотопа: беспокоилась пара удонов (гнездо я так и не нашел, увы), качал хвостом на колючем кустарнике жулан. Наконец мы вышли к озерцу, наполовину затянутому ряской, с богатой прибрежной растительностью и, на удивление, не «закоровленному». Сейчас же на берегу водоема был разбит лагерь.

Над противоположным берегом озера кружилась пара курганников, в зарослях водной растительности хрюкали камышницы, а на выступающей из воды коряге отдыхала европейская болотная черепаха. Наконец у меня появилась возможность вдоволь понаблюдать за насекомыми и пауками – тут их оказалась тьма-тьмущая! Пауки-скакунчики, сверчки, стрекозки-тонкохвосты, муравьи-бегунки (*Cataglyphis podus*), обладающие потрясающим полиморфизмом – вот лишь некоторые из той многочисленной беспозвоночной оравы.

В это время Чумичка с П.А. опять ушли бродить по лесам, предоставив мне полную (ну почти) свободу действий. Я использовал время, дарованное мне, с максимальной, как мне казалось, пользой – для начала прошелся по склону в поисках птиц, понаблюдал за удодами в надежде выследить гнездо, попытался поймать хотя бы одну из крайне прытких ящериц, которыми изобиловали небольшие кустики на луговине и, наконец, несколько подвыдохшийся, но довольный, присел на склон отдохнуть. Так как в тот день было довольно жарко, я как-то совсем разомлел, погрузился в свои мысли и внезапно был пробужден приближающимся сзади топотом и шорохом – я разом вскочил, сбросив остатки дремы, обернулся и встретился взглядом со здоровой средиземноморской черепахой, чей панцирь имел сантиметров 40 в длину. Сфотографировав «для протокола» черепаху я неспешно

направился обратно к лагерю, где до возвращения путешественников успел сфотографировать очередного степного орла и насладиться ариями озерных лягушек.

На закате, когда на смену лягушкам пришли зеленые жабы, над лагерем засновали рыжие вечерницы – крупные летучие мыши. Задумавшись, я умудрился оплавить один из ботинок, которые в этот момент «сушил», не снимая, над костром.

9 мая

В последний день пребывания в Дагестане мы с утра выдвинулись вниз, к Дарвагу. Во время спуска к селу, кроме вездесущих ласточек и стрижей, нам вновь попались два сорокопута: жулан и чернолобый.

Прокатившись с ветерком под громогласную музыку с очередным веселым дагестанским таксистом, мы добрались до начальной точки – Избербаша. Вокзал встретил нас привычным уже птичьим многоголосьем: кричали кольчатые горлицы, пели разнообразные вьюрковые, со стороны моря периодически долетали с криками хохотуны.

Запасшись продуктами, мы сели в вокзальном здании в ожидании поезда.

***

Путь назад представлялся мне некоей машиной времени, последовательно отматывающей события назад: вот длинная, душная остановка в Махачкале, ночная – в Астрахани, проносятся мимо калмыцкие, казахстанские и волгоградские степи с их обычными обитателями: курганниками, кобчиками, сизоворонками, сотенными стаями розовых скворцов. Вот вновь летим мы над широкой гладью Волги, вновь проезжаем Саратов, Тамбов, Рязань, все удаляясь и удаляясь от удивительного и многообразного Дагестана.